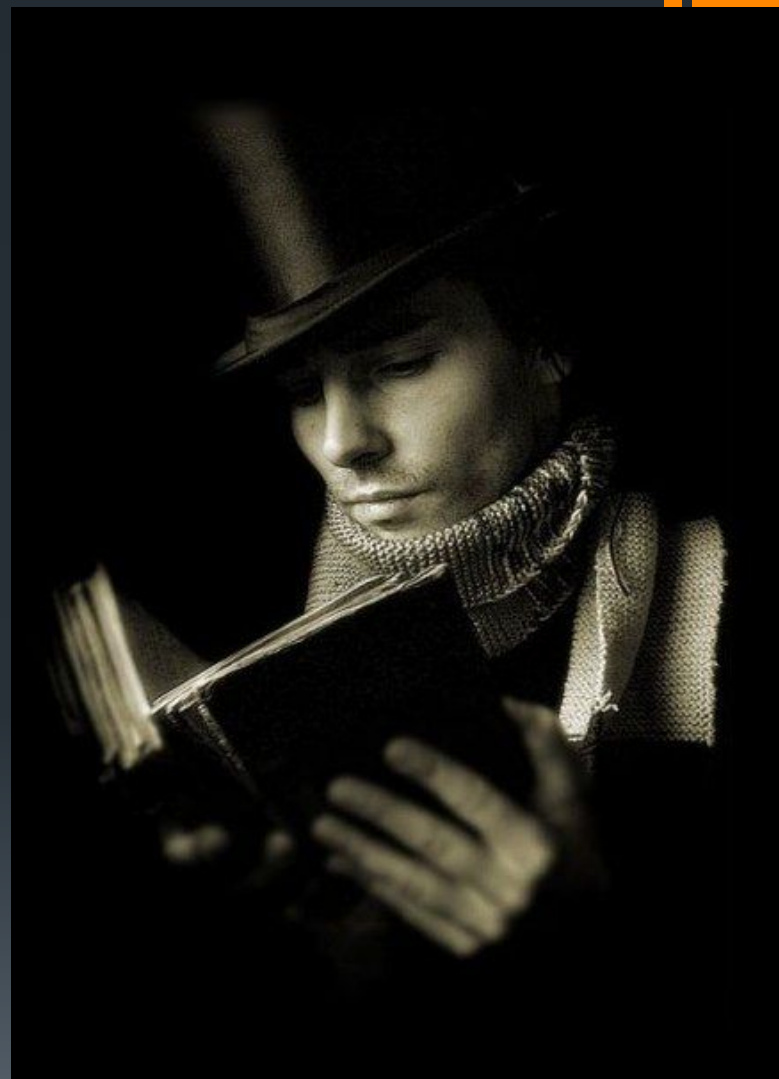

Что подтолкнуло
Раскольникова к
преступлению?

-
- Сам Достоевский определяет содержание своего произведения таким образом:
  - *«Это - психологический отчет одного преступления... Молодой человек, исключенный из студентов университета, мещанин по происхождению и живущий в крайней бедности, по легкомыслию, по шатости в понятиях, поддавшись некоторым странным, «недоконченным» идеям, которые носятся в воздухе, решил разом выйти из скверного своего положения. Он решился убить одну старуху, титулярную советницу, дающую деньги на проценты. ...»*

Роман-айсберг

- Уголовно-криминальный план романа – ПРЕСТУПЛЕНИЕ –
- 1 часть
- Нравственно-философский план романа – НАКАЗАНИЕ –
- 5 частей + эпилог

Кто я?

▪ «Тварь дрожащая»

- Материал, служащий единственно для зарождения себе подобных

▪ «Право имею»

- Талант в среде своей сказать **новое слово**
- Право разрешать кровь по совести

«Да ведь тут
арифметика!»

$100 > 1$ – теория тысячи
благодетий путём
одного преступления

$1 > 100$ – теория
Наполеона, теория
сильной личности.

*Можно ли, преступив
законы
нравственности,
прийти к счастью?*

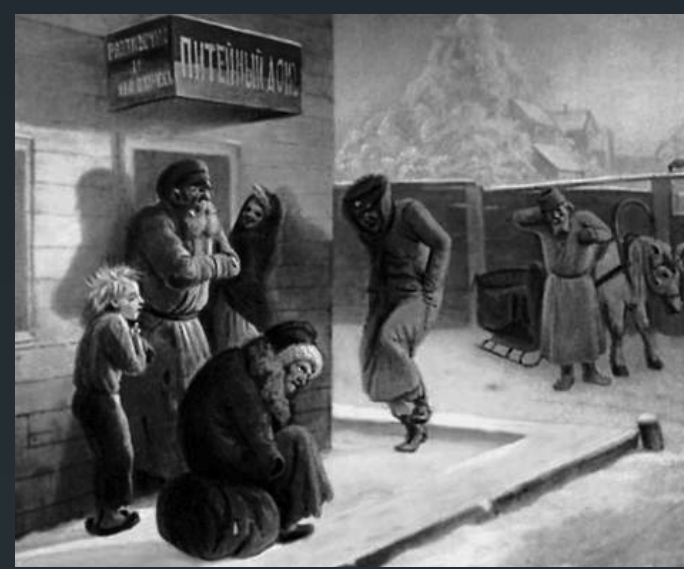

Шаги к преступлению

- Подслушанный в кабаке разговор
- Письмо матери
- Встреча с пьяной девочкой
- Разговор с Мармеладовым

▪ *Расположите сцены по порядку*

Шаги к преступлению

- Подслушанный в кабаке разговор (месяца полтора назад)
- Разговор с Мармеладовым
- Письмо матери
- Встреча с пьяной девочкой
- Подслушанный в кабаке разговор (месяца полтора назад)

Чем заинтересовал Мармеладов Раскольников?

Это был человек лет уже за пятьдесят, среднего роста и плотного сложения, с проседью и с большою лысиной, с отекившим от постоянного пьянства желтым, даже зеленоватым лицом и с припухшими веками, из-за которых сияли крошечные, как щелочки, но одушевленные красноватые глазки. Но что-то было в нем очень странное; во взгляде его светилась как будто даже восторженность, -- пожалуй, был и смысл и ум, -- но в то же время мелькало как будто и безумие. Одет он был в старый, совершенно оборванный черный фрак, с осыпавшимися пуговицами. Одна только еще держалась кое-как, и на нее-то он и застегивался, видимо желая не удалиться приличий. Из-под нанкового жилета торчала манишка, вся скомканная, запачканная и залитая. Лицо было выбрито, по-чиновничьи, но давно уже, так что уже густо начала выступать сизая щетина. Да и в ухватках его действительно было что-то солидно-чиновничье.

Цитаты из Библии в речи Мармеладова

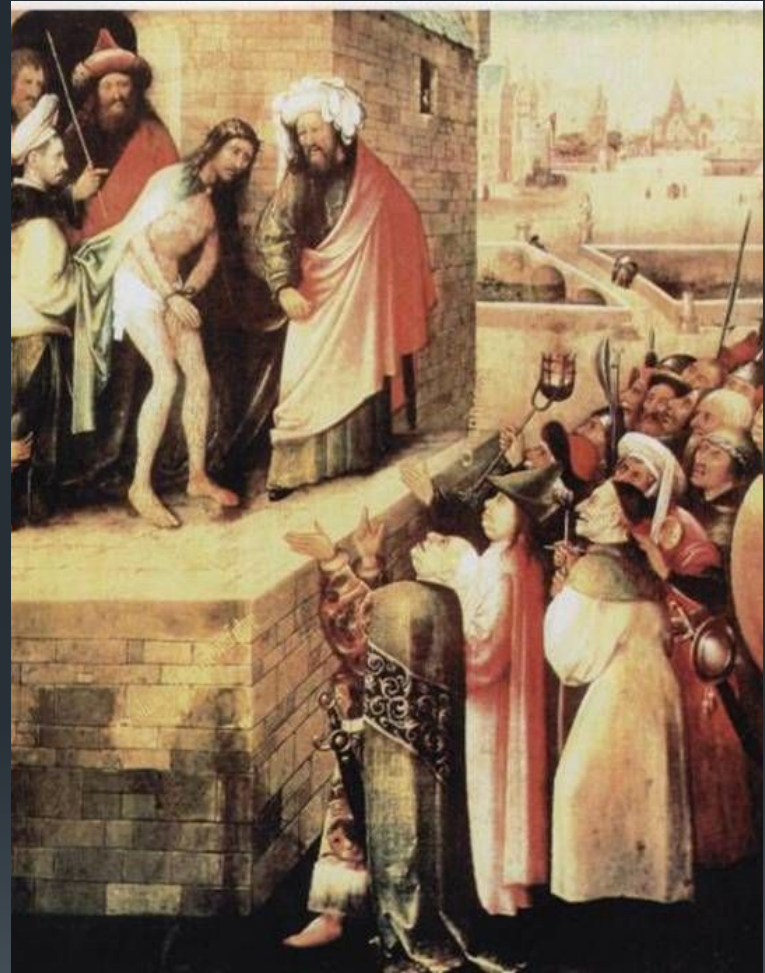
- «Ничего—с! Сим покиванием глав не смущаюсь, — говорит он об отношении клиентов распивочной, которые уже знают, чем занимается его дочь, — ибо уже всем всё известно и всё тайное становится явным» «Ничего—с! Сим покиванием глав не смущаюсь, — говорит он об отношении клиентов распивочной, которые уже знают, чем занимается его дочь, — ибо уже всем всё известно и всё тайное становится явным; и не с презрением, а со смирением к сему отношусь. Пусть! пусть! "Се человек!"» (6, 14).

Все тайное становится явным

- Первая цитата о неизбежности того, что все тайное становится явным, — это скрытая цитата из Евангелия от Луки (8, 17), повторенная в Евангелии от Матфея (10, 26) и от Марка (4, 22). *«Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы. Итак, наблюдайте, как вы слушаете: ибо, кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь»* (Лк 8, 17—18).

«Се, Человек!» Иероним Босх(1470—1480)

Пилат опять вышел и сказал им: вот, я вывожу Его к вам, чтобы вы знали, что я не нахожу в Нем никакой вины. Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: **се, Человек!** Когда же увидели Его первосвященники и служители, то закричали: распни, распни Его! Пилат говорит им: возьмите Его вы, и распните; ибо я не нахожу в Нем вины. Иудеи отвечали ему: мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим. Пилат, услышав это слово, больше убоялся.

*-- А коли не к кому, коли идти больше некуда!
Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть
куда-нибудь можно было пойти.*

Да! меня жалеть не за что! Меня распять надо, распять на кресте, а не жалеть! Но распни, судия, распни и, распяв, пожалей его! И тогда я сам к тебе пойду на пропятие, ибо не веселья жажду, а скорби и слез!..

И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: "Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!" И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: "Свиньи вы! образа звериного и печати его; но приидите и вы!" И возглаголят премудрые, возглаголят разумные: "Господи! почто сих приемлеши?" И скажет: "Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего..." И прострет к нам руке свои, и мы припадем... и заплачем... и всё поймем! Тогда всё поймем!.. и все поймут...

*«первое явление романа
происходит в распивочной, где
поэма любви, сострадания и
прощения Мармеладова
противопоставляется гордости и
мятежному гневу Раскольникова»*

Так последние станут первыми

Ведь Царство Небес можно сравнить вот с чем: один хозяин пошел рано утром нанимать работников в свой виноградник. Сговорившись с работниками о том, что он заплатит им за день по одной серебряной монете, он послал их в виноградник. Придя в девять часов утра на рыночную площадь, он увидел, что там стоят еще люди без дела. Он сказал им: «Ступайте и вы в виноградник. Я заплачу вам, что будет причитаться». Они пошли. И в двенадцать часов, и в три часа дня он делал то же самое. И уже около пяти часов он еще раз пришел на площадь, увидел стоявших там людей и говорит им: «Что вы стоите весь день без дела?» – «Никто нас не нанял», – отвечают они. Он говорит им: «Ступайте и вы в виноградник». Когда настал вечер, хозяин говорит своему управляющему: «Созови работников и расплатись с ними. Начни с тех, кого наняли последними, и закончи первыми». Пришли нанятые в пять часов вечера, и каждый получил по серебряной монете. Первые, придя, решили, что они получат больше. Но и они получили по денарию. И, получив, стали негодовать на хозяина: «Эти последние час один проработали, ты же приравнял их к нам, а мы ведь целый день надрывались под палящим солнцем». Но он ответил одному из них: «Я тебя не обидел, приятель. Разве ты сговорился со мной не за один денарий? Получай свое и уходи. А я хочу и этому, последнему, дать столько же, сколько тебе. Разве я не вправе поступать со своими деньгами, как хочу? Или тебе завидно, я щедр?» **Так последние станут первыми, а первые – последними.**

A. Kapman 2005

Письмо матери

Письмо матери его измучило. Но относительно главного, капитального пункта сомнений в нем не было ни на минуту, даже в то еще время, как он читал письмо. Главнейшая суть дела была решена в его голове и решена окончательно: "Не бывать этому браку, пока я жив, и к черту господина Лужина!"

"Потому что это дело очевидное, -- бормотал он про себя, ухмыляясь и злобно торжествуя заранее успех своего решения. -- Нет, мамаша, нет, Дуня, не обмануть меня вам!.. И еще извиняются, что моего совета не попросили и без меня дело решили! Еще бы! Думают, что теперь уж и разорвать нельзя; а посмотрим, лъзя или нельзя! Отговорка-то какая капитальная: "уж такой, дескать, деловой человек Петр Петрович, такой деловой человек, что и жениться-то иначе не может, как на почтовых, чуть не на железной дороге". Нет, Дунечка, всё вижу и знаю, о чем ты со мной *много-то* говорить собираешься; знаю и то, о чем ты всю ночь продумала, ходя по комнате, и о чем молилась перед Казанскою божией матерью, которая у мамыши в спальне стоит. На Голгофу-то тяжело всходить.

**Сонечка, Сонечка
Мармеладова,
вечная Сонечка,
пока мир стоит!**

Встреча с пьяной девочкой

Она, должно быть, девушка очень молоденькая, шла по такому зною простоволосая, без зонтика и без перчаток, как-то смешно размахивая. К довершению, девушка шла нетвердо, спотыкаясь и даже шатаясь во все стороны. Вглядевшись в нее, он тотчас же догадался, что она совсем была пьяна. Странно и дико было смотреть на такое явление. Он даже подумал, не ошибается ли он. Пред ним было чрезвычайно молоденькое личико, лет шестнадцати, даже, может быть, только пятнадцати, -- маленькое, белокуренькое, хорошенькое, но всё разгоревшееся и как будто припухшее. Девушка, кажется, очень мало уж понимала...

Раскольников не сел и уйти не хотел, а стоял перед нею в недоумении. И однако ж в стороне, шагах в пятнадцати, на краю бульвара, остановился один господин, которому, по всему видно было, очень бы хотелось тоже подойти к девочке с какими-то целями. Он тоже, вероятно, увидел ее издали и догонял, но ему помешал Раскольников. Он бросал на него злобные взгляды, стараясь, впрочем, чтобы тот их не заметил, и нетерпеливо ожидал своей очереди, когда досадный оборванец уйдет. Дело было понятное. Господин этот был лет тридцати, плотный, жирный, кровь с молоком, с розовыми губами и с усиками, и очень щеголевато одетый. Раскольников ужасно разозлился; ему вдруг захотелось как-нибудь оскорбить этого жирного франта. Он на минуту оставил девочку и подошел к господину.

-- Эй вы, **Свидригайлов!** Вам чего тут надо? -- крикнул он, сжимая кулаки и смеясь своими запенившимися от злобы губами.

-- Это что значит? -- строго спросил господин, нахмутив брови и свысока удивившись.

-- Убирайтесь, вот что!

-- Как ты смеешь, каналья!..

И он взмахнул хлыстом. Раскольников бросился на него с кулаками, не рассчитав даже и того, что плотный господин мог управиться и с двумя такими, как он. Но в эту минуту кто-то крепко схватил его сзади, между ними стал городской.

[Handwritten signature]

глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрет. Понимаешь? Понимаешь?

-- Ну, понимаю, -- отвечал офицер, внимательно уставясь в горячившегося товарища.

-- Слушай дальше. С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь! Сотни, тысячи, может быть, существований, направленных на дорогу; десятки семейств, спасенных от нищеты, от разложения, от гибели, от разврата, от венерических больниц, -- и всё это на ее деньги. Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленище тысячами добрых дел? За одну жизнь -- тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен -- да ведь тут арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна. Она чужую жизнь заедает: она намедни Лизавете палец со зла укусила; чуть-чуть не отрезали!

-- Конечно, она недостойна жить, -- заметил офицер, -- но ведь тут природа.

-- Нет, ты стой; я тебе задам вопрос. Слушай!

-- Ну!

-- Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мне: убьешь ты *сам* старуху или нет?

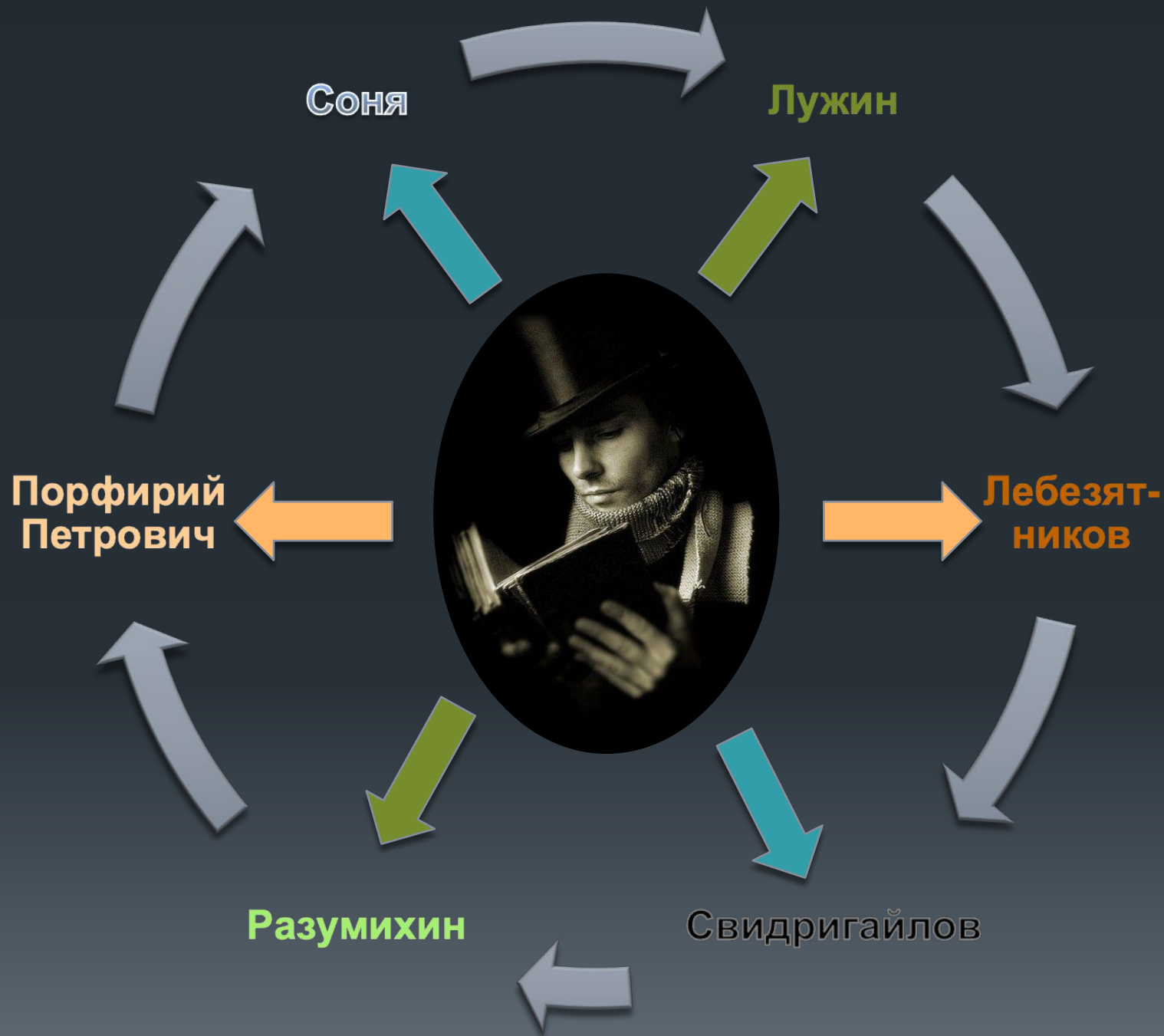
-- Разумеется, нет! Я для справедливости... Не во мне тут и дело...

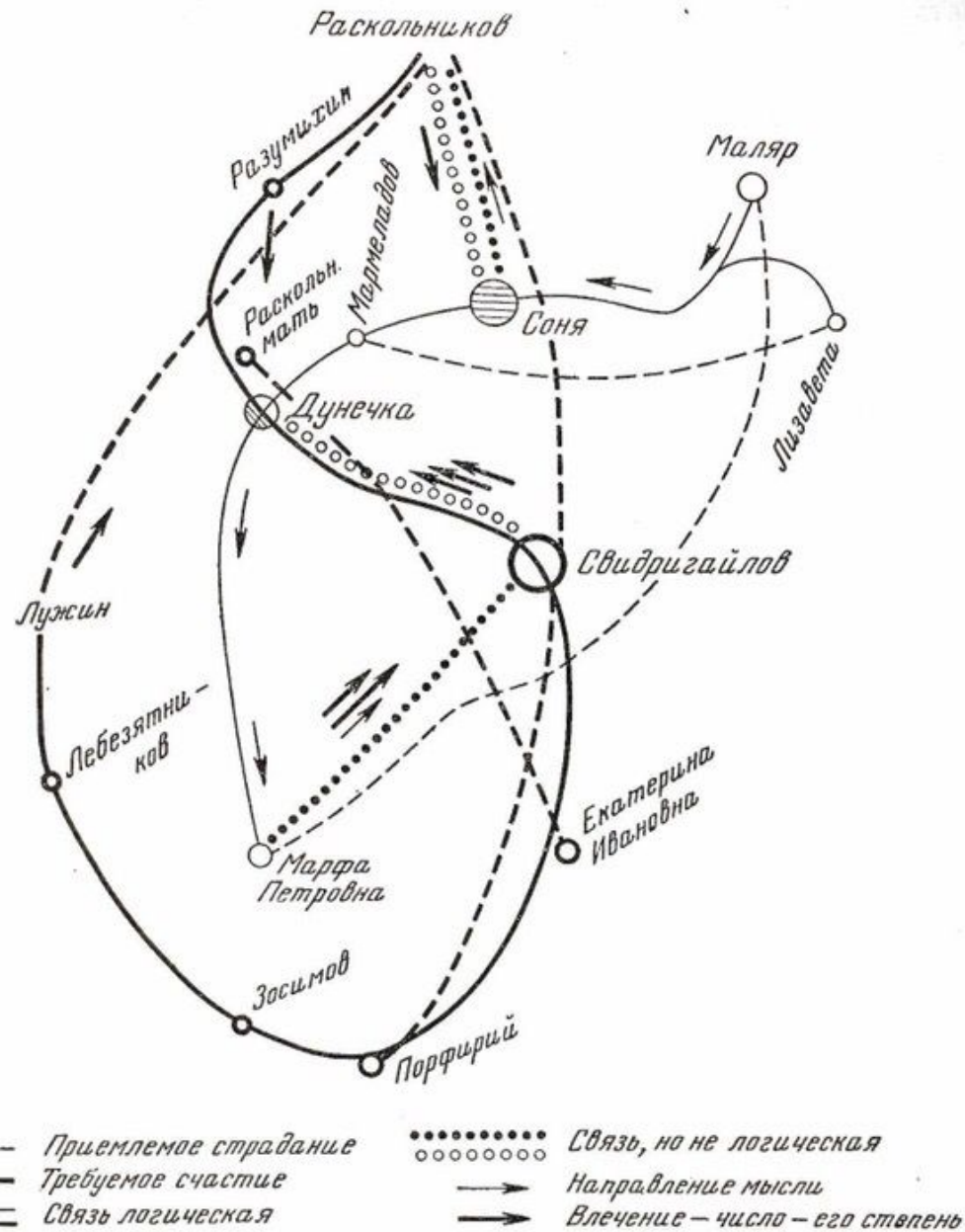
-- А по-моему, коль ты сам не решаешься, так нет тут никакой и справедливости! Пойдем еще партию!

Раскольников был в чрезвычайном волнении. Конечно, всё это были самые обыкновенные и самые частые, не раз уже слышанные им, в других только формах и на другие темы, молодые разговоры и мысли. Но почему именно теперь пришлось ему выслушать именно такой разговор и такие мысли, когда в собственной голове его только что зародились... *такие же точно мысли?* И почему именно сейчас, как только он вынес зародыш своей мысли от старухи, как раз и попадает он на разговор о старухе?.. Станным всегда казалось ему это совпадение. Этот ничтожный, трактирный разговор имел чрезвычайное на него влияние при дальнейшем развитии дела: как будто действительно было тут какое-то предопределение, указание...

Подслушанный разговор (Месяца полтора назад...)

Чертеж символических обозначений главных идей романа «Преступление и наказание», составленный Анненским

